

ВОЙНА И МЫ

АРТЕМ ДРАБКИН
АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

22 ИЮНЯ

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ
КАЛЕНДАРЯ

**Алексей Валерьевич Исаев
Артем Владимирович Драбкин
22 июня. Черный день календаря
Серия «Война и мы»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4940059
22 июня. Черный день календаря.: Яуза, Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27215-0*

Аннотация

Этот день навсегда обозначен в отечественных календарях черным траурным цветом.

Это – одна из самых страшных дат в нашей истории.

Это – день величайшей военной катастрофы.

Как такое могло случиться? Почему врагу удалось застать СССР врасплох? Почему немецкой авиации позволили в первый же день войны безнаказанно расстрелять на аэродромах сотни наших самолетов, а многочисленные дивизии РККА были смяты и разгромлены в считанные недели? Как случилось, что колоссальная военная машина Советского государства дала сбой в самый ответственный момент?

Подробная, по часам и минутам, хроника трагических событий 22 июня 1941 года и анализ причин разгрома, воспоминания ветеранов и свидетельства очевидцев трагедии – в первом совместном проекте самых популярных отечественных историков Артема Драбкина и Алексея Исаева.

Содержание

На пути к войне	4
Самый длинный день	32
«На земле...» На направлениях главных ударов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Исаев, Артем Драбкин

22 июня. Черный день календаря

На пути к войне

Если во время войны операции планируются неделями, в лучшем случае несколькими месяцами, то план первой операции готовится годами. Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Разработка плана войны с СССР началась в августе-сентябре 1940 г. В декабре того же года он оформился в Директиву № 21, известную как план «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». После уничтожения главных сил Красной армии предполагалось оккупировать территорию СССР по линии Архангельск – Астрахань. Мобилизационные способности СССР, т. е. возможности создания новых соединений, расценивались как не позволяющие восстановить армию после такого разгрома. Выделенные для «Барбароссы» немецкие войска были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». Также к операции привлекались войска союзников Германии: Румынии, Венгрии и Финляндии.

Руководство СССР правильно оценивало Германию как основного потенциального противника. Как, впрочем, и многие советские люди. Однако успешная антифашистская пропагандистская кампания, которая после прихода Гитлера к власти и его расправы над немецкими коммунистами рисовала гитлеризм в качестве наиболее вероятного врага советского народа на западе, в 1939 г. была свернута. Закрепленный в массовом сознании стереотип фашизма как врага номер один после заключенного в 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа стал размываться. Отношение к Гитлеру не стало лучше, но вера в непогрешимость действий советского руководства способствовала восприятию большинством советских людей договора как гарантии неприкосновенности границ. В ходу были такие фразы: «Войны не может быть, ведь с немцами же заключили договор о ненападении». «Мы же торгуем с Германией и доставляем ей хлеб, нефть, уголь. Какая может быть война?» «Молотов недаром ездил к Гитлеру. Они договорились о мире». Очень боялись спровоцировать немцев на развязывание войны. Вспоминает ветеран ВОВ В.Ф. Бухенко: «... после заключения «пакта о ненападении» с Германией делалось все возможное для его соблюдения и чтобы не допустить ни малейшего повода для провокации. У меня, например, был такой случай. В – техникуме мне дали путевку в летний лагерь отдыха. Там организовывались всевозможные концерты

самодеятельности. Я знал одно стихотворение о революционной борьбе немецкого народа и решил с ним выступить водном из таких концертов. Так меня предварительно прослушали на предмет того, чтобы проверить, нет ли чего в этом стихотворении обидного или провокационного для немцев. Представьте, даже в студенческих лагерях думали о таких вопросах, чтобы не дать Германии лишнего повода для начала войны!»

Усугубляло ситуацию восприятие немцев в виде неоднородной группы, в которой часть населения – пролетариат и крестьянство – сочувственно относится к советским людям. Венер писал: «Всякий, имевший глаза, чтобы видеть, мог заметить в период расцвета немецко-русского пакта признаки не только внутреннего родства тоталитарных методов, но и фундаментального безумия многих русских коммунистических пропагандистов. Русская функционерка Самойлович, имевшая возможность посетить польские области (оккупированные Красной Армией. – В. Р.), рассказывала мне, что немецкие солдаты с завистью смотрели на звезды советских солдат и что красноармейцы целого полка (?) доложили на поверке, что они отдали свои пуговицы и звезды на память немецким солдатам, которые их об этом просили. Из таких эпизодов, истинность которых невозможно было проверить, делался вывод, что немецко-советская «дружба» должна привести к смягчению положения внутри Германии и что прорусские симпатии среди немецкого населения смогут стать препятствием на пути возможных восточных планов Гитлера». Ветеран Великой Отечественной войны Майданик Лев Исакович вспоминал: «Как-то утром сидели мы на лесной полянке во время политзанятий. Разговор шел о заключенном с Германией договоре о ненападении. Начались вопросы. Задал вопрос и я:

– Товарищ старший политрук, почему непрерывно идут в Германию эшелоны с нашим зерном, лесом, рудой и многим другим?

Старший политрук посмотрел на меня, почему-то улыбнулся и, как мне показалось, совсем нестати спросил:

– Тебе сколько лет?

– Скоро двадцать исполнится, товарищ старший политрук.

– Ну вот, значит, тебе только двадцать лет. И ты не понимаешь, что немецкий пролетарий, который ест русский хлеб, никогда на Россию руку не поднимет, это и есть пролетарская солидарность. В таком случае не будет воевать немецкий рабочий против русского рабочего. Поэтому и идут эшелоны с хлебом и прочим в Германию. Ясно?

– Ясно, товарищ старший политрук, – пробормотал я».

В целом можно говорить, что перед войной в сознании основной массы мужского населения 1919–1922 гг. рождения (а именно они приняли первый удар немецких войск) не было сформировано четкого образа врага. В этом плане бойцы и командиры Красной Армии безоговорочно уступали солдатам вермахта, руководствовавшимся простыми и ясными формулировками, как, например, приказ генерала Гепнера: «...борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью... Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...» Здесь уместно привести слова Н.И. Обрыньбы: «Начало войны и подготовка людей к убийству, ожесточение – это перестройка всей психики человека, и происходит она мучительно и достаточно долго. Мы не были подготовлены к войне не столько технически, сколько морально, и для перевоспитания людей требовалось время. Это один из факторов, давших возможность немцам в первые дни войны ошеломить нашу армию». Требовалось научить людей ненавидеть. Ведь ненавидеть – это не значит сердиться и ругать, ненависть – это решимость вступить в борьбу. Когда человек находит свое личное место в схватке с врагом не только личным, а врагом твоего народа, твоей родины. Нужно сделать врага «плохим», потому что иначе воевать невозможно, поскольку убийство человека табуируется общепринятыми нормами человеческой морали, религиозной этики и здоровой пси-

хики. Однако врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые эти нормы распространяются. В общественном сознании (в том числе и в массовом бытовом) враг наделяется свойствами, «противными человеческой натуре». Действительно отрицательные его качества гипертрофируются, а качествам, по обычным «мирным» меркам оцениваемым положительно, придается негативный смысл. При этом механизм конструирования образа врага, как правило, универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т. п.), а также собственного превосходства, которое должно стать основанием для победы над неприятелем. И то и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности»

Отсутствие четко сформированного образа врага накладывалось в сознании людей на гипертрофированную уверенность в силе Красной Армии, которая врага разгромит: «малой кровью, могучим ударом». Основана такая уверенность была на грамотно построенной пропаганде успехов Красной Армии в локальных конфликтах и одновременном замалчивании неудач. Не говоря уже о том, что профессия военного к концу 30-х гг. была одной из самых престижных и высокооплачиваемых. Вспоминает М.Л. Сандлер: «Все солдаты были хорошо одеты, обуты в сапоги. Кормили в армии даже лучше, чем мы бы питались на «гражданке». Кашу с мясом ели каждый день, кроме так называемого «рыбного» дня. Солдатам выдавали махорку, платили жалованье, кажется – семь рублей в месяц. На эти деньги покупали зубной порошок, подворотнички, но папирос приобрести себе позволить не могли, поскольку пачка стоила 35 копеек. Я не помню, чтобы были разрешены денежные переводы из дома. Помкомвзвода получал 36 рублей в месяц, старшина-сверхсрочник имел зарплату чуть ли не 500 рублей + паек. Многие ребята стремились остаться в армии на сверхсрочную службу». А ведь в стране карточную систему распределения продовольствия отменили только в конце 30-х гг. Трудно было купить более или менее приличную одежду. Зимой люди носили «перелицованную», то есть переделанную из старой, еще дореволюционной, одежду, летом щеголяли в старой красноармейской форме или надевали полотняные брюки и парусиновые туфли. В городах жили скученно – по пятьдесят семей в бывших барских квартирах, а новое жилье почти не строилось.

Берлин, 22 июня 1941 г. Через несколько минут немцы узнают о том, что началось вторжение в СССР.

Вот что вспоминает ветеран ВОВ, житель города Тула Р.И. Жидков: «Я – обыкновенный, стандартный парень того времени. Любил технику и занимался в кружках: авиамоделльным, радио. Тогда было так: чтобы поступить в кружок, надо было показать дневник. Плохо учишься – тебя не возьмут, или если двойку получил, гуляй, пока не исправишь.

В футбол играли «улица на улицу». Камера была. Каждый по неделе отвечал за мяч: чинил его – это очень ответственное занятие. Кожу надо шить, а если стянешь, то мяч огурцом будет, и ребята тебе морду набьют. Инвентаря не было. Продукты были – питались нормально.

Велосипед, карманные часы и сетевой приемник – вот предметы роскоши и зависти тех дней. В Туле на первом месте был велосипед.

Мужики ходили в цирк, на борьбу. Цирк в Туле еще Поддубный построил. На первые два отделения мастеровые, рабочие отдавали билеты нам, мальчишкам, и мы смотрели на выступления актеров и зверей, а перед третьим отделением, в котором должна была быть борьба, мы выходили на улицу и отдавали билеты.

Потом нас взяли в спортивное общество «Пищевик» в детскую футбольную команду. Одели – форма, гетры, бутсы. Играли уже на стадионе. Потом я попал в юношескую команду. У меня получалось по правому краю. Сдавали нормативы ГТО, БСО, ЮВСО (юный Ворошиловский стрелок) – это было развито».

В деревне жизнь была еще более тяжелой, хотя многие, в том числе и Д.Я. Булгаков, в то время житель Курской области, вспоминают, что перед войной стало немного легче жить: «В 1937 г. был хороший урожай – на трудодень дали по 3 килограмма хлеба! Люди подкрепились. В 1938 г. урожай был послабее, но тоже ничего. В 1939 г. стали в магазины завозить побольше товаров. Что для меня тогда было лакомством? Белый хлеб! Булка, сахар, конфеты (леденцы-горошек)! Любая конфетка, булочка, пряник – это было для нас лакомство. Ждали, когда кто поедет в город, в райцентр, привезет гостинец. Были ли у меня часы, велосипед, патефон, радиоприемник? В 1941 г. брат приехал в отпуск и привез патефон. Это было что-то такое необыкновенное! Полсела приходило слушать! В селе патефон был богатством. Велосипед был у учителей, начальника почты и у детей директора школы. Кататься нам они не давали. Кое у кого были настенные ходики. Наручные часы только у интеллигенции: фельдшера, директора школы. У учителя были часы на цепочке».

Армия не только могла одеть, обуть и накормить еще не окрепших от голода начала 30-х мальчишек, но и дать новую специальность. Вспоминает ветеран войны А. С. Бурцев: «Каждый из нас мечтал служить в армии. Я помню, после трех лет службы из армии возвращались другими людьми. Уходил деревенский лопух, а возвращался грамотный, культурный человек, отлично одетый, в гимнастерке, в брюках, сапогах, физически окрепший. Он мог работать с техникой, руководить. Когда из армии приходил служивый, так их называли, вся деревня собиралась. Семья гордилась тем, что он служил в армии, что стал таким человеком. Вот что давала армия».

На фоне других военных особенно выделялись летчики и танкисты. Летчики носили униформу синего цвета, а танкисты серо-стального, так что их появление на улицах городов и поселков не оставалось незамеченным. Они выделялись не только красивой униформой, но и обилием орденов, в то время бывших огромной редкостью, потому что были активными участниками многих «малых войн», к которым СССР имел тайное или явное отношение.

Их прославляли в фильмах – таких, как «Горячие денечки», «Если завтра война», «Истребители», «Эскадрилья номер пять» и других. Романтичные образы танкистов и летчиков создавали такие суперзвезды советского кино, как Николай Крючков, Николай Симо-

нов. Крючков в «Трактористах» играет демобилизовавшегося танкиста, для которого «на гражданке» открыты любые дороги. Ключевой момент фильма – рассказ его героя, Клим Ярко, колхозникам о скорости и мощи танков. Картина завершается сценой свадьбы танкиста и лучшей девушки колхоза. В финале вся свадьба поет популярнейшую песню тех времен: «Броня крепка, и танки наши быстры». «Горячие денечки» рассказывает о танковом экипаже, остановившемся для ремонта в деревне.

Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс зачитывает обращение Гитлера к народу.

Главный герой – командир экипажа. Он – бывший пастух. Только служба в армии открыла перед ним широкие перспективы. Теперь его любят самые красивые девушки, на нем роскошная кожаная куртка (до середины 30-х гг. советские танковые экипажи носили черные кожаные куртки из «царских» запасов). Разумеется, в случае войны герой будет громить любого врага с той же легкостью, с какой покорял женские сердца или достигал успехов в боевой и политической подготовке.

В то время искусство вообще, а кино в особенности имело огромное влияние. Тот факт, что основную массу рядового состава армии составляла малограмотная молодежь, которую отличала слепая вера в установленный общественный строй и его руководителей (ведь даже среди офицерского состава лишь 7 % командиров имели высшее военное образование, а более трети не получили даже законченного среднего специального), позволял легко манипулировать сознанием. Патриотические песни из таких кинофильмов, как «Если завтра война», да и сами ленты, воспевающие непобедимость Красной Армии, вызывали самоуспокоение и восприятие грядущей войны как парадного шествия. «Когда объявили о начале войны, я посчитал, что завтра-послезавтра будем в Берлине. Еще подумал: «Надо почистить сапоги, чтобы офицер был в блеске», – вспоминал лейтенант-артиллерист А.С. Хоняк.

Психологический климат в армии также сильно отличался от привычного нам, во многом наследовав черты революционного равноправия между командующим и рядовым составом. Вспоминает В.М. Синайский: «...помогало то, что не было градации между офицерами и солдатами. Все мы были – красноармейцы. Были только командиры и рядовые. Когда однажды на улице к нам обратилась какая-то женщина с просьбой что-то ей показать и назвала нас солдатами, один из наших товарищей сказал: «Мамаша, мы не солдаты, мы – красноармейцы. Солдат и офицеров наши отцы и деды били в Гражданскую войну». Взаимоотношения между командирами и рядовыми, я бы сказал, были почти дружеские. В гарнизоне был Дом Красной Армии, переступив порог которого, ты становился равноправным членом коллектива. Там были спортивные залы, кинотеатр, ресторан, танцевальные залы. И, придя в Дом Красной Армии, мы, рядовые, могли танцевать с женами командиров, вместе закусывать в буфете. Такой же порядок был и в санчасти. Если кто-то заболел и попадал туда, врач прежде всего говорил: «Забудьте, что вы командиры или рядовые, здесь вы все – больные военнослужащие. Для меня вы все равны».

Учеба в школе проходила напряженно, но нам очень активно помогали «старики», которые заботились о нас, называли нас желторотиками и всячески обучали военной премудрости. Например, когда мы приехали в гарнизон и попали впервые в наряд, надо было мыть пол в казарме. В спальне было 120 коек. Это была не комната, а громадный зал. Мы, естественно, взяли ведра, тряпки – нас было 12 человек – разлили по полу воду и стали тряпками что-то там делать. Пришли «старики», засмеялись: «Эх, вы, желторотики, так вы будете до вечера мыть». Позвали несколько человек – пришло четверо или пятеро. Взяли швабры, встали в ряд и погнали воду. И треть зала вымыли за 10–15 минут. «Вот, как надо!» – сказали «старики».

Помогали они нам и при обучении стрельбе. Стреляли мы кое-как. Вначале было очень сложно, потому что пулемет при стрельбе вело. И устранять задержки было трудно. Пулемет ШКАС был скорострельный, но у него было 48 типов задержек. Часть из них устранимых, часть неустранимых. И вот однажды, когда мы в оружейной палате разбирали и собирали пулеметы и учились устранять задержки, пришел старшина, отвоевавший в Финляндии и списанный по ранению. Зашел посмотреть, как мы учимся. С усмешкой посмотрел, как мы возимся с пулеметами, и сказал: «Ну, куда вам. Так, как вы работаете, с одного захода вас собьет истребитель. Почему? Вы же с задержкой возитесь сколько!» – «Как надо?» – «Надо мгновенно задержку устранить. Иначе вы безоружны». – «Ну покажи нам, как надо». – «Делайте задержку, дайте пулемет и завяжите глаза». Раз-два – и задержка была устранена. Вот так нас учили «старики».

Однако многое изменилось, когда в конце тридцатых годов СССР начал увеличивать армию, готовясь к грядущей «большой войне». Армии приграничных округов пополнились за счет молодежи призывного возраста только что присоединенных республик. Естественно, что их лояльность по отношению к новой власти была более чем сомнительна.

По воспоминаниям М.Л. Сандлера: «В сороковом году в армию пришло много «западников» и был поток новобранцев из Средней Азии (до этого среднеазиаты, как правило, служили только в национальных территориальных дивизиях). Многим тяжело давался русский язык или азы овладения техникой. Никаких насмешек над ними не строили, терпеливо все разъясняли».

Кроме того, волна репрессий, хоть и не была столь масштабна количественно, как это принято изображать, привела к значительным изменениям в командном составе, причем, наиболее пострадавшее среднее и старшее командное звено пополнилось в основном из среды младших командных кадров, не успевших приобрести ни достаточного опыта, ни соответствующих навыков. Младший комсостав был в основном сформирован за счет досрочных выпусков, курсантов военных училищ (приказ наркома обороны маршала

С.К.Тимошенко от 14 мая 1941 г.), выпускниками краткосрочных курсов младших лейтенантов и курсов командиров запаса. Учитывая увеличение армии почти в пять раз по сравнению с уровнем 1934 г., сложно ее рассматривать как «кадровую».

Весть о войне с СССР не вызвала у простых берлинцев энтузиазма.

Вдобавок ко всему мощнейший удар был нанесен по престижу элиты армии – летчикам приказом наркома обороны Тимошенко № 0362 «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии». В соответствии с этим приказом всем выпускникам училищ вместо звания «младший лейтенант» или «лейтенант» присваивалось звание «сержант». Летчики, не прошедшие четыре года службы, обязаны были жить в казармах. Соответственно изменялись и нормы довольствия, оклады, они лишены были права надеть ту самую форму с «курицей» на рукаве. Многими это было воспринято как личное оскорбление. Летчики отказывались надевать знаки различия, ходили с пустыми петлицами в знак протеста. Часто бывало, что техники-лейтенанты вынуждены были докладывать о состоянии самолета своему командиру – сержанту, что несомненно являлось грубейшим нарушением основного армейского принципа – субординации. Вспоминает ветеран ВОВ И.Д. Гайдаенко: «В декабре вышел известный приказ наркома обороны Тимошенко. Меня, лейтенанта, командира звена, орденосца, посадили в казарму! Причем, так как я был командиром звена, меня еще назначили страшим по казарме. Ох, хватил же я горя с этой срочной службой! Представляешь, приехали из училищ лейтенанты-летчики, пришли летнабы, а тут приходит приказ, и их разжалуют в сержанты. Мало того, что запикивают в казарму, так еще и звание снимают! Это ж позор перед девушками, знакомыми, родными! Конечно, дисциплина после этого резко упала. Трудно мне было держать эту банду молодых летунов. Конечно, то, что положено по программе летной подготовки, мы выполняли, но летчики ходили в самоволки, пьянствовали. Причем, если на выпивку не хватало денег, то ребята что-нибудь продавали из постельного белья (общежитие летного состава здесь было оборудовано, как надо: одеяла новенькие, подушки, простыни). Бардак, одним словом... Один у нас комсомолец отличился. Его вызвали на собрание: «Что же ты пьешь, безобразничаешь? Мы тебя исключим из комсомола!» А он ответил: «Подума-

ешь! Исключайте! А я буду беспартийный большевик!» Думаю, меня здорово спасло начало войны, а то бы посадили меня за недостачу казенного имущества...»

Вот такими разношерстными, с противоречивым сознанием, раздвоенной моралью, дезориентированными в оценке характера, длительности будущей войны и реального противника подошли воины 1919–1922 гг. рождения, составлявшие основу Красной Армии к 22 июня 1941 г.

Высшее руководство, хоть и было лучше осведомлено о реальном положении дел, чем простые граждане и рядовой состав Красной Армии, не питало необоснованных иллюзий. Однако и оно не представляло себе в полной мере всех перспектив разворачивавшихся событий. Не были подготовлены и теоретические основы управления страной в кризисной ситуации.

Газета с обращением Гитлера к солдатам Восточного фронта.

Руководство СССР предполагало, что главный удар будет нанесен на западном направлении, через Белоруссию на Москву. Сообразно этому советский план первой операции предусматривал нанесение удара с территории Украины в оккупированную Германией южную Польшу. Разгром германских войск на этом направлении должен был заставить их прекратить наступление в Белоруссии. Организационно войска западных округов СССР на границе с Германией разделялись на три объединения: Прибалтийский, Западный и Киевский особый военные округа. В случае войны они преобразовывались соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. В мирное время в особых округах у границы находились только так называемые армии прикрытия. Для проведения первой операции в случае войны требовались мобилизация и сбор в особых округах войск со всей европейской части страны.

Планы прикрытия. В период сосредоточения и развертывания войск для грядущей первой операции границу предполагалось прикрывать от возможных вылазок противника быстро мобилизуемыми дивизиями приграничных армий. Задачами этих соединений было:

«Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отомобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника». Разработки, по которым приграничные армии должны были действовать, пока из глубины страны подтягиваются основные силы для реализации планов первой операции, получили название «планов прикрытия государственной границы». До определенного момента мероприятия по прикрытию линии границы включались в план действий войск округа в случае войны отдельным разделом. В частности, соответствующие пункты мы обнаруживаем в записке начальника штаба Киевского особого военного округа М.А. Пуркаева. В 1941 г. эта схема была видоизменена. В начале мая 1941 г. в округа были направлены директивы наркома обороны на разработку планов прикрытия как отдельных документов. В Киевский особый военный округ эта директива была направлена 5 мая 1941 г., Одесский военный округ получил аналогичный документ 6 мая 1941. Сроком предоставления готовых планов обороны на период сосредоточения и развертывания в Генштаб было назначено 25 мая. Реально округа предоставили разработанные ими пакеты документов 10–20 июня 1941 г. Однако это не означает, что войска вступили в бой, не имея конкретных боевых задач. Армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены. В ходе опроса, проводившегося Военно-научным управлением Генерального штаба в 50-х гг., бывший начальник оперативного отдела штаба КОВО И.Х. Баграмян достаточно подробно описал вопрос с постановкой задач войскам округа: «План обороны государственной границы был доведен до войск, в части их касающейся, следующим образом: войска, непосредственно осуществлявшиекрытие, [...] имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно; остальные войска округа (пять стрелковых корпусов, семь далеко не закончивших формирование механизированных корпусов и части усиления) [...] имели хранимый в сейфе соответствующего начальника штаба соединения опечатанный конверт с боевым приказом и всеми распоряжениями по боевому обеспечению поставленных задач. План использования и документация во всех подробностях разрабатывались в штабе округа только для корпусов и дивизий. Исполнители о них могли узнать лишь из вложенных в опечатанные конверты документов после вскрытия последних». Именно приказы частям и соединениям по плану прикрытия находились в «красных пакетах», которые должны были вскрывать командиры в первый день войны.

Надо сказать, что в некоторых случаях даже весьма ограниченные по своему значению планы прикрытия не были соответствующим образом доведены до исполнителей. Вот что говорит об этом в своих воспоминаниях командующий 8-й армией Прибалтийского особого военного округа генерал П.П. Собенников: «28 мая 1941 г. я был вызван с начальником штаба генерал-майором Г.А. Ларионовым и членом Военного совета дивизионным комиссаром С.И. Шабаловым в штаб округа, где командующий войсками генерал-полковник Ф.И. Кузнецов наспех ознакомил нас с планом обороны... Все это проходило в большой спешке и несколько нервной обстановке. План был получен для ознакомления и изучения начальником штаба. Он представлял собой довольно объемистую толстую тетрадь, напечатанную на машинке. Примерно через 1,5–2 часа после получения плана, не успев еще с ним ознакомиться, я был вызван к генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову, который принял меня в затемненной комнате и с глазу на глаз продиктовал мое решение. Последнее сводилось к тому, что главные усилия сосредоточивались на направлении Шяуляй, Таураге (125-я и 90-я стрелковые дивизии), и прикрытии границы от Балтийского моря (м. Паланга) на фронте около 80 км 10-й стрелковой дивизией 10-го стрелкового корпуса.

Первая ракета. Вторжение началось!

48-ю стрелковую дивизию предполагалось к началу войны перебросить на левый фланг армии и увеличить фронт обороны левее 125-й стрелковой дивизии (прикрывавшей основное направление Шяуляй, Таураге) до реки Неман у города Юрбаркас (левая граница армии). Мои записи, а также начальника штаба были отобраны. Мы получили приказание убыть к месту службы. При этом нам обещали, что указания по составлению плана обороны и наши рабочие тетради будут немедленно высланы в штаб армии. К сожалению, никаких распоряжений и даже своих рабочих тетрадей мы не получили».

Последний мирный месяц. Ощущение приближения войны буквально пронизывало и гражданских, и военных. Вспоминает житель Молдавии И. А. Гарштя: «Мы были простые крестьяне, газет не читали, даже радио у нас не было. Например, помню, каким событием стал первый показ в нашем селе кинофильма. Показывали «Петр I», за неимением экрана проецировали фильм на белую стену дома. Так люди потом подходили и трогали эту стену... Мы мало что знали и понимали, но помню, что родители запасали соль, спички, керосин. Еще до начала войны успели уехать почти все евреи из нашего села, но четыре беднейшие семьи остались». Курсант Тульского оружейно-технического училища Р.И. Жидков так вспоминал те дни: «Сначала война в Эфиопии, потом Финская. Нарастало ощущение надвигающейся войны. Проводились Ворошиловские броски – зимой 25 километров в полной выкладке (20 килограмм) на лыжах. Зачет ставился «повзводно», т. е. по первому и последнему. Последних тащили на ремнях. Это было зверство. Первый раз пошли – четверо в больнице оказались. С января 41 г. нам в училище начали менять график занятий. Матанализ, английский убрали, зато увеличили количество практических часов. С января 41-го начали ходить в патруль на железную дорогу – пошли эшелоны с войсками. Останавливались, не доезжая до станции, выводили лошадей, а мы оцепляли место. Вместо 6 лекционных часов, стало 8—10. Мы почти спали сидя. В конце мая из нашей учебной роты выпустили человек 12 досрочно, присвоив звание лейтенантов».

Особенно остро осознавали нарастание опасности в приграничных округах. Будущий летчик-штурмовик П.Е. Анкудинов вспоминал: «Слухи о грядущей войне постоянно ходили. В апреле я поехал в отпуск к двоюродному брату, Мельникову Владимиру Васильевичу, в Полоцк, где он был начальником политотдела одной из дивизий. Он меня встретил такими словами: «Чего ты приехал? Скоро будет война. Уезжай отсюда». Летом 1941-го брат попал в окружение, а затем руководил партизанской бригадой, которая так и называлась «Бригада Мельникова». Вот другое свидетельство ветерана войны В.А. Виноградова: «Война меня застала в Ровно. Примерно дней за десять до начала войны в полках дивизии по утрам начались тревоги. В пять-шесть часов утра мы выезжали, делали бросок на машинах в сторону границы, – а тогда я служил уже в механизированной дивизии, которая входила в 22-й механизированный корпус, – затем возвращались обратно в казармы, завтракали и приступали к обычным полевым занятиям. Некоторые части 5-й армии, в которую входил корпус, были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу пограничной реки, в районе г. Владимир-Волынского. Сведения эти были тревожными, сообщалось, что на другом берегу сосредотачиваются немецкие войска, все время наблюдается движение, используются оптические приборы для наблюдения за нашей территорией. Были нарушения границы немецкими самолетами. Все это создавало обстановку напряженности.

Граница Литовской ССР. Солдаты вермахта ломают забор, который маскировал строящиеся оборонительные укрепления.

Ночью через Ровно проходили воинские части, летели над Ровно самолеты в сторону границы. Как потом выяснилось, они располагались на прифронтовых, приграничных аэродромах и просто больших полянах. Все это, естественно, подсказывало, что ситуация сложная, что могут быть в самое ближайшее время начаты военные действия. За несколько дней до 22 июня, было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергалось, что немцы собираются на нас напасть. Но мы восприняли это опровержение как подтверждение того, что война приближается и до нее буквально осталось несколько дней. Я решил сходить в

фотографию, сфотографировался и отослал домой свои последние фотографии. Фотографии эти уцелели».

Но естественно были те, кто не чувствовал приближение войны. О.Е. Ходько вспоминала: «Окончив педагогическое училище в 1937 г., я начала работать учителем начальных классов в Забородской школе, а через три года меня перевели в Устье, где еще год до начала войны в семилетке я преподавала русский язык и литературу. Ощущения надвигающейся войны не было ни у меня, ни у моих близких. Наоборот, казалось, что тяжелые 30-е годы позади, теперь жизнь начнет налаживаться...»

В штабах округов обладали большим объемом информации, чем любой солдат или командир стоявших у границы соединений. Поэтому окружное командование неоднократно выходило с соответствующими просьбами к высшему руководству. Начальник штаба Одесского военного округа М.В. Захаров вспоминал: «6 июня военный совет Одесского округа обратился к начальнику Генерального штаба за разрешением на передислокацию 48-го стрелкового корпуса на наиболее вероятное направление действий противника. После того как разрешение было получено, 74-я и 30-я стрелковые дивизии и управление корпуса к 15 июня сосредоточились на новых позициях, немного восточнее Бельцы». Отметим, что 30-я дивизия была весной 1941 г. переформирована в горнострелковую, но по многим мемуарам и документам она продолжала проходить как стрелковая. По плану прикрытия 30-я горнострелковая дивизия поступала в распоряжение командира 35-го стрелкового корпуса, 74-я стрелковая дивизия была армейским резервом.

Однако далеко не все решения командования приграничных округов получали поддержку наверху. Иногда их одергивали в достаточно резкой форме. Так, в телеграмме начальника Генерального штаба от 10 июня 1941 г. на имя командующего КОВО указывалась: «... донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков». 11 июня командующие приграничными округами получили указания «полосу предполья без особого на то приказания волевыми и УР-овскими частями не занимать». 12 июня нарком обороны приказал: «Запретить полеты нашей авиации в приграничной полосе 10 км от госграницы». Последняя мера была, скорее всего, направлена на предотвращение случайного пересечения границы вследствие навигационных ошибок.

Рука об руку с запретительными мерами шли мероприятия по усилению особых округов. 12 июня командование КОВО было извещено о прибытии на территорию округа 16-й армии из Забайкальского военного округа. Поступление эшелонов армии предполагалось в период с 17 июня по 10 июля. Должны были прибыть:

«Управление армии с частями обслуживания; 5-й механизированный] корпус (13,17-я танковые и 109-я моторизованная дивизии); 57-я танковая дивизия; 32-й стр[елковый] корпус (46,152-я стрелковые дивизии, 126-й корпусной артполк)».

Реально сосредоточение войск 16-й армии началось не 17, а 18 июня. Прибытие армии в резерв Юго-Западного фронта закладывалось в предвоенное планирование. Также 16-я армия является примером выдвижения назначенных для первой операции войск до начала боевых действий, которое стало общим местом последних мирных дней и месяцев столкновений различных стран в 1939–1941 гг.

14 июня начальник штаба КОВО генерал-лейтенант М.А. Пуркаев своим телеграфным распоряжением потребовал организовать во всех штабах армий круглосуточное оперативное дежурство. Дежурных предписывалось назначать «только из числа командиров, имеющих оперативную подготовку». В тот же день, 14 июня, в связи с нарастанием угрозы нападения Одесский военный округ получил указание о выделении управления 9-й армии с выводом

его в Тирасполь. Утром 20 июня управление (начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров) было поднято по тревоге и под видом командно-штабных учений к исходу дня развернуло командный пункт в заранее оборудованном на случай войны районе, установив связь с соединениями, включенными в состав армии.

Немцы сносят шлагбаум на границе рейха и СССР.

Но наиболее значительным событием 14 июня была публикация в «Известиях» сообщения ТАСС: «Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной прессе стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам, Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границы СССР с целью нападения на СССР. Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает свои войска у границы последней. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны. ТАСС заявляет, что: Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место. По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям. СССР, как это вытекает из его мирной политики,

соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными. Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по крайней мере, нелепо».

Большинство непосредственных участников событий увидели в этом сообщении только слова, касающиеся военного ведомства: «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Однако сообщение ТАСС ни в коей мере не предназначалось для внутреннего пользования. Для общения с собственным гражданами у руководства страны были совсем другие механизмы с целым штатом толмачей-политруков. Вспоминает А.С. Хоняк: «Перед самой войной я был направлен для дальнейшей службы в Белорусский военный округ. Располагалась наша часть в Кобрине, но в июне мы выехали на летние занятия в лагерь, в район Колки. Там были практические стрельбы, тренировки, занятия – обыкновенная военная учеба. Конечно, напряжение чувствовалось. Особенно после заявления ТАСС от 14 июня, которое подвергало сомнению заявления печати, что немцы перебросили свои войска к нашим западным границам. Это, конечно, было сделано с целью предотвратить провокации». На эзоповом языке дипломатии сообщение ТАСС – это не что иное, как приглашение руководства Германии к переговорам. Либо с целью заключить соглашение по спорным вопросам, либо перевести конфликт в фазу открытого противостояния с бряцанием оружием.

Гробовое молчание в ответ на сообщение ТАСС стало для советского руководства сигналом для начала развертывания войск. В последнюю мирную неделю подготовительные мероприятия шли нарастающим темпом. С середины июня были отменены отпуска личному составу. 13 июня руководство Киевского особого военного округа получило директиву наркома обороны и начальника Генштаба Красной Армии на выдвижение «глубинных» (т. е. находящихся далеко от границы) стрелковых корпусов ближе к границе.

Приказание последовало синхронно с сообщением ТАСС и в случае начала политического диалога выдвижение могло быть отменено. Началось выдвижение «глубинных» соединений округа 17–18 июня. Сроки выдвижения и пункты назначения корпусов были определены следующим образом: «31-й стрелковый корпус из района Коростеня к утру 28 июня должен был подойти к границе вблизи Ковеля. Штабу корпуса до 22 июня надлежало оставаться на месте; 36-й стрелковый корпус должен был занять приграничный район Дубно, Козин, Кременец к утру 27 июня; 37-му стрелковому корпусу уже к утру 25 июня нужно было сосредоточиться в районе Перемышляны, Брежаны, Дунаев; 55-му стрелковому корпусу (без одной дивизии, остававшейся на месте) предписывалось выйти к границе 26 июня, 49-му – к 30 июня». По предвоенным планам эти соединения предполагалось сосредоточить в указанных районах «с 4 до 15-го дня мобилизации». Отличия от записанного в планах были следующие. Во-первых, 7-й стрелковый корпус, который по предвоенным планам должен был выдвигаться вместе с другими «глубинными» корпусами, пока остался на территории Одесского военного округа. Вместо 7-й стрелкового корпуса в состав 12-й армии выдвигался 49-й стрелковый корпус. Во-вторых, «глубинные» соединения выдвигались в неотмобилизованном состоянии, в численности мирного времени с добавкой резервистов, призванных на «большие учебные сборы».

Перемещения «глубинных» соединений затронули не только Киевский особый военный округ. Точно так же выступали в поход соединения Западного особого военного округа. С.Иовлев, командир 64-й стрелковой дивизии 44-го стрелкового корпуса, вспоминал: «15 июня 1941 г. командующий Западным особым военным округом генерал армии Д.Г. Павлов приказал дивизиям нашего корпуса подготовиться к передислокации в полном составе.

Погрузку требовалось начать 18 июня. Станция назначения нам не сообщалась, о ней знали только органы военных сообщений (ВОСО). Погрузка шла в лагерях и в Смоленске. Ничто не говорило о войне, но необычность сборов, не предусмотренных планом боевой подготовки, настораживала людей, и у многих в глазах можно было прочесть тревожный вопрос: неужели война?» 64-я стрелковая дивизия содержалась в сокращенных штатах (6 тыс. человек), и ее боевая ценность была ниже, чем у приграничных дивизий.

Самой важным, можно даже сказать, знаковым мероприятием середины июня 1941 г. стало начало выдвижения войск внутренних округов на рубеж Западной Двины и Днепра. И.Н. Бирюков, командир одного из выдвигавшихся соединений 186-й стрелковой дивизии, вспоминал: «13 июня 1941 г. из штаба Уральского военного округа мы получили директиву особой важности, согласно которой дивизии предстояло выехать в «новый лагерь». Адрес нового расквартирования не был сообщен даже мне, командиру дивизии. И только проездом в Москве я узнал, что наша дивизия должна сосредоточиться в лесах западнее Идрицы, т. е. на рубеже старых укреплений, возведенных вдоль прежней советско-латвийской границы, существовавшей до 1939 г.». Однако решение о перевозке к границе войск внутренних округов безнадежно запоздало и не оказало влияния на события первого дня войны. Вспоминает А.Ф. Пануев, служивший в 17-м гаубичном артиллерийском полку 17-й танковой дивизии, входившей в 16-ю армию: «В мае месяце моя батарея заняла 1 – е место по строевой и огневой подготовке в дивизии. Мне дали отпуск. Погулял недели две – телеграмма: «Срочно прибыть в часть». Я прибыл – 16-ю армию перебрасывали на Запад. Мы погрузились в первых числах июня, и пошли по Транссибирской магистрали на Запад. Нашей танковой дивизии и нашему полку назначение было на Винницу. Тут вышло опровержение в «Правде» о том, что нет переброски. 14 июня – второе опровержение ТАСС. После второго опровержения нас повернули на Турсиб. Все платформы были забиты фанерой – изображали переброску техники для посевной кампании. Нам было запрещено выходить на больших станциях. Эшелон останавливали только на перегонах, там, где можно было взять воду. Когда проходили крупные станции, даже люки закрывали. Жара... июнь... Турсиб...»

Первый раненый. Первый из миллионов.

Волна движения Красной Армии вперед после сообщения ТАСС вскоре затронула приграничные армии. В ночь с 16-го на 17 июня в Киевском особом военном округе выступили из лагеря Киверцы части 62-й стрелковой дивизии 5-й армии. Совершив два ночных перехода, они к утру 18 июня вышли на позиции вблизи границы. Однако рубеж обороны не занимался, и дивизия рассредоточилась в населенных пунктах и лесах. С 17 июня собирал части дивизии в летнем лагере командир 41-й стрелковой дивизии Г.Н. Микушев. 18 июня командующий 5-й армией М.И. Потапов приказал вывести 45-ю стрелковую дивизию с полигона. 18 же июня получила приказ на выдвижение к границе 135-я стрелковая дивизия, составлявшая второй эшелон 27-го стрелкового корпуса 5-й армии. Выдвигалась она в освободившийся после ухода 62-й дивизии лагерь Киверцы. Командир дивизии, генерал-майор Ф.Н. Смехотворов вспоминал после войны: «18 июня 1941 г. 135-я стрелковая дивизия выступила из района постоянного расквартирования (Острог, Дубно, Кременец) и к исходу 22 июня прибыла в Киверцы (в 10–12 км северо-восточнее Луцка)...»

Самые радикальные меры были приняты в Прибалтийском особом военном округе. 18 июня последовал приказ № 00229 командующего округом Ф.И. Кузнецова «О приведении в боевую готовность театра военных действий». Обтекаемая формулировка «театра военных действий» была призвана сгладить впечатление от тяжелого для мирного времени словосочетания «в боевую готовность». Одновременно в таком виде приказ не должен был вызвать окрика из Москвы. По приказу № 00229 в боевую готовность приводилась ПВО округа, средства связи. Помимо традиционных мер Ф.И. Кузнецов предписывал: «создать на телшяйском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Штат этих отрядов, формируемых за счет саперных частей и выделяемых начальником Автобронетанкового управления автотранспортных средств, разработать и доложить мне 19.06.41 г. Готовность отрядов 21.06.41 г.». Также Ф.И. Кузнецов отдал распоряжение по выдвижению к границе механизированных и стрелковых соединений. В 23:10 16 июня в штаб 12-го механизированного корпуса был доставлен пакет из штаба округа. В 23:00 18 июня соединения и части мех-корпуса выступили в марш, а уже 20 июня вышли в назначенные районы (находившиеся ближе к границе). Также 18 июня был поднят по тревоге и выведен из мест постоянной дислокации 3-й механизированный корпус. Вспоминает боец 2-й батареи 358-го артиллерийского полка 126-й стрелковой дивизии С.С. Мацапура: «18 июня после обеда все подразделения сводного отряда снова были подняты по тревоге. Опять последовал марш-бросок вдоль побережья, погрузка в эшелон. Когда прибыли в Шяуляй, поняли, что едем к границе. Все ребята подтянулись, посерьезнели. От Шяуляя на Каунас и далее ехали с частыми и длительными – иногда на полдня – остановками. В ночь на 22 июня прибыли на место. Заняли огневые позиции близ какого-то литовского городка. Граница, как объяснил командир батареи, была километрах в тридцати. Правее нас и несколько впереди, за сосновым бором, встала на позиции батарея 501-го гаубичного артполка. Там же заняли оборону стрелки и саперы нашего отряда. Где находятся главные силы 126-й дивизии, мы не знали».

19 июня в Киевском особом военном округе из Генерального штаба было получено распоряжение о создании фронтового управления и передислокации его в Тарнополь. И.Х.Баграмян вспоминает: «В то же утро (19 июня. *А.И.*) из Москвы поступила телеграмма Г. К. Жукова о том, что Народный комиссар обороны приказал создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тарнополь».

Предписывалось сохранить это «в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа». У нас уже все было продумано заранее. По нашим расчетам, все фрон-

товое управление перевезти автотранспортом было не только трудно, но и слишком заметно. Поэтому было решено использовать и железную дорогу. Командующий округом приказал железнодорожный эшелон отправить из Киева вечером 20 июня, а основную штабную автоколонну – в первой половине следующего дня». В руководящих документах предусматривалось переместить штаб округа с преобразованием его во фронтовое управление с началом мобилизации: «Штаб КОВО с 20:00 М-2 Тарнополь». Таким образом, в мирное время, до объявления мобилизации осуществлялись мероприятия, предусмотренные по планам в первые дни войны. Начало боевых действий руководящий состав КОВО, ставший управлением Юго-Западным фронтом, встретил в буквальном смысле на колесах.

Однако не все командующие округами использовали имеющиеся у них средства для приведения войск в боевую готовность. В Брестской крепости, точнее в казармах в цитадели и вокруг нее, были собраны части двух дивизий. По плану они должны были обороняться вне крепости, и никакие запреты Генштаба не могли помешать Д. Г. Павлову вывести части двух дивизий из крепости в ее окрестности. Справедливости ради следует отметить, что трагедия Бреста была в значительной мере заложена еще в 1939 г. После завершения «польского похода» Германия и СССР согласовали начертание границы между двумя странами. Произошло это 2 октября 1939 г., когда состоялась беседа народного комиссара обороны СССР маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба РККА командарма 1 ранга Б. М. Шапошникова с представителями Германского военного командования в лице генерала Кестринга, полковника Ашенбреннера и подполковника Кребса. Сторонами была письменно зафиксирована линия, по которой должна проходить граница. Вполне в традициях подобных мероприятий она была проведена с опорой на рубежи крупных рек. Однако такой простой и очевидный принцип не всегда давал удобные позиции с военной точки зрения. Поэтому уже в 23:30 2 октября командующий Белорусским фронтом Ковалев отправил в Москву следующую телеграмму: «Установленная граница по р. Бугу г. Брест-Литовска крайне невыгодна для нас по следующим причинам: город Брест границей делится на две части – западный обвод фортов достается немцам; при близости границы невозможно использовать полностью богатейший казарменный фонд в г. Бресте; железнодорожный узел и сам город будут находиться в сфере пулеметного огня; переправы на р. Буг не будут открыты необходимой территорией. Замечательный аэродром у Малашевичи достанется немцам. Командующий фронтом просит пересмотреть границу в районе Брест-Литовска». Ковалев просил оставить за СССР часть территории на западном берегу реки. Брестская крепость еще во времена Российской империи была модернизирована и состояла из собственно крепости и расположенных на некотором расстоянии от нее фортов. Точно так же Верден состоял из самого Вердена и цепочки фортов вокруг него. Знаменитые форты Дуомон и Во, за которые шли бои в Первую мировую войну, находились на внешнем поясе обороны Вердена. Буг фактически разрезал Брестскую крепость надвое, оставляя западные форты на территории Генерал-губернаторства (подконтрольной Германии территории Польши). Система фортов на периметре крепости утрачивалась. Однако просьбы Ковалева остались гласом вопиющего в пустыне. 3 октября 1939 г. из Москвы пришел ответ, что «граница у Бреста установлена соглашением и менять ее невозможно». Советской стороне удалось лишь в незначительной степени улучшить свои позиции в районе Бреста. Чтобы сохранить за собой всю Брестскую крепость, советские саперы запрудили Буг и взорвали перемычки крепостного рва. В итоге вода пошла по обводному каналу перед Тереспольским укреплением. Этот канал советские представители выдали немцам за русло р. Буг, по которому и была проведена граница. Но главная проблема осталась нерешенной: казармы Брестской крепости находились в непосредственной близости от границы. В старой, защищенной фортами крепости они были в центре системы обороны, теперь же казармы были практически на линии соприкосновения с потенциальным противником. Перед советским командованием стоял невеселый выбор:

либо рисковать, размещая войска практически на границе, либо заниматься обустройством вместо боевой подготовки.

Группировка сил сторон к 22 июня. Детали взаимного расположения войск Красной Армии и вермахта на различных участках фронта будут сообщаться по мере изложения хода событий. Сейчас же имеет смысл качественно оценить положение сторон к началу боевых действий. В чем же выражалось упреждение в развертывании? В первом эшелоне Германия успела развернуть против СССР к 22 июня 77 % пехотных дивизий, 90 % танковых, 94 % моторизованных дивизий и 100 % авиасоединений, оставив в резерве до 12 % имевшихся сил и средств, выделенных для проведения операции «Барбаросса». Напротив, в группировке советских войск в первый эшелон к 22 июня успели развернуться только 43 % дивизий. Еще 25 % входило в состав вторых эшелонов округов (фронтов) и 32 % еще находились в подчинении Главного Командования (находясь в пути или еще в местах постоянной дислокации во внутренних округах).

Первый пленный.

Таким образом, у сил вторжения был существенный численный перевес над частями и соединениями Красной Армии, которые могли вступить с ними в бой в первый день войны. При общем превосходстве сил на границе примерно в два раза три немецкие группы армий создали превосходство в числе соединений в три – пять раз на направлениях главных ударов. Упрежденные в развертывании войска Красной Армии оказались разбросанными на всем пространстве от западной границы до рубежа Днепра и Западной Двины.

Захваченные в плен пограничники.

На прямой линии между Сталиным и Гитлером. Упреждение в развертывании было достигнуто. Последним мероприятием последнего предвоенного дня стало зачитывание в стоящих у советской границы немецких частях обращения Гитлера. Таких обращений было несколько за войну. Последнее было в апреле 1945 г., за несколько дней до начала битвы за Берлин. Обращение зачитывали командиры рот. Поскольку уже смеркалось, офицеры освещали листы с текстом висящими на груди фонариками. Устами ротных командиров фюрер обращался к замершим в тревожном ожидании гражданам своей страны, одетым в военную форму:

«Солдаты Восточного фронта! Мои солдаты. Отягощенный грузом величайшей заботы, вынужденный многие месяцы хранить наши планы в тайне, наконец-то я могу сказать вам открыто всю правду. У наших границ выстроилось до ста шестидесяти дивизий русских. В течение многих недель границы постоянно нарушаются – и не только границы самой Германии, но и другие, на Крайнем Севере, а также границы Румынии. Солдаты Восточного фронта, как раз сейчас силы наши так велики, что равных им не было в истории всего мира. Плечом к плечу с финскими дивизиями и героями Нарвика наши товарищи ожидают схватки с противником в Арктике... Вы – на Восточном фронте. В Румынии, на берегах Прута, на Дунае, вдоль побережья Черного моря германские и румынские силы, руководимые главой государства Антонеску, стоят в едином строю. Величайшие в истории мира армии готовы к бою не только потому, что их вынуждает к тому суровая текущая военная необходимость, требующая окончательного решения, или тому или иному государству требуется защита, а потому, что в спасении нуждается вся европейская цивилизация и культура. Немецкие солдаты! Скоро, совсем скоро вы вступите в бой – в суровый и решительный бой. Судьба Европы, будущее германского рейха, само существование народа Германии находится теперь в ваших руках».

Сообщение о 160 советских дивизиях было очевидной ложью. Тот образ группировки советских войск, который имелся у немецкого командования на 21 июня хорошо известен

из сохранившихся документов. Она была переоценена, но ни о каких полутора сотен соединений не было и речи.

Застигнутые врасплох войной красноармейцы. Не все еще поняли, что происходит.

Пока на западной границе немецкие солдаты завершали приготовления к нападению, большинство советских людей, не подозревая, что завтра жизнь разделится на «до» и «после», спокойно проводили субботний вечер. На территории бывшего СССР нет человека, родившегося до 1930 г., который бы на вопрос «Что вы делали в субботу 21 июня 1941 года», ответил бы «Не помню». Слишком велика та пропасть, в которую обрушилась жизнь людей на следующий день, чтобы так просто взять и забыть... По словам Афанасьева Н.И., «...в каждый из потянувшихся от июня сорок первого к маю сорок пятого года день все думали о той жизни, которая осталась позади, и, конечно же, последние дни, часы, минуты этой жизни – радостной, счастливой, мирной – мы все бесконечное количество раз перебирали в памяти, и казались они особенно прекрасными».

Позволим себе привести несколько фрагментов воспоминаний об этом вечере людей, с тем чтобы понять, что подразумевалось в то время под словосочетанием «мирная жизнь». Москвич Д.Ф. Златкин вспоминает:

«Я был в командировке – мы строили закрытый объект в Феодосийском заливе. Жил я в гостинице «Астория». Из нее я вышел в 10 часов вечера, и волею судьбы за столом в кафе познакомился с очень интересной девушкой. Чудесная девушка была! Румынка, отдыхающая. Я увлекся ею, попросил ее пойти со мной в парк, купил ей 20 роз! Мы сели в тенистой аллее, разговаривали о жизни, и все прочее, она интересовалась нашей жизнью, а я интересовался жизнью в Румынии, поскольку я не знал, что такое Румыния, и народ не знал этот, то мне было это очень интересно. Вдруг ни с того ни с сего из-за кустов выскакивает какой-то человек, хватает меня за рукав и кричит: «Ааааа, вот ты где! Попался, мерзавец! Я тебя долго искал, но наконец-то ты попался! А ну-ка пошли за мной!» Тащит меня, кричит «Милиция!» Берет свисток и как засвистит! Откуда ни возьмись, народ, милиция... Он говорит: «Вот человек, который крадет наши розы!» Все загудели и закричали: «Ну так надо волоочь его

в милицию! Чего он такой?! Дайте ему по уху! бейте его!» – Я говорю: «Как, какие розы, позвольте, я купил!» – «Где ты купил?»

– «В кассе купил» – «А ну-ка, позовите кассиршу!» Кассирша подошла и говорит: «А я не помню этого человека» – «Как не помните? Я у вас купил все розы! 20 штук! У вас больше их не было». В это время подошел какой-то гражданин, и говорит: «А Вы посмотрит, сорваны эти розы или срезаны?» Милиционер посмотрел на этого человека, потрогал черенки роз, и сказал, что эти розы срезаны. Меня обыскали, ножа не нашли, все поняли, что я купил. В это время кассирша сказала «Аааааа, да-да, да, теперь я вспоминаю, он у меня действительно купил». Интерес публики пропал, в это время подсакивает ко мне какой-то человек и говорит «Я из газеты «Комсомольская правда», хочу написать фельетон «Розы с шипами», где я вас могу найти?» Я говорю: «Я живу в гостинице «Астория», такой-то номер» – «Я у вас завтра буду». В 10 часов утра я просыпаюсь, никого нет...»

Житель города Оса Молотовской (Пермской) области В.П. Брюхов вспоминает:

«20 июня был выпускной вечер, а 21-го вечером мы собирались классом и поехали на пикник за город. Каждый взял у кого что было – картошку, колбасу, сало. Тогда водку не пили, девок не тискали, а только прижимались ночью, дотронешься, а у тебя по телу электрический заряд проходит».

С.А. Данич, командир саперного взвода 565-го отдельного саперного батальона 294-й стрелковой дивизии:

«Дивизия располагалась в лесу под Липецком, офицеры жили в палатках, а солдаты в шалашах. Из нашего училища в эту дивизию было направлено 16 человек, и временно, пока шли назначения, мы жили дружной командой в одной палатке.

Светает. Германская армия уже глубоко вклинилась на советскую территорию.

У кого-то из наших ребят возникла идея отметить окончание училища. Идея всем понравилась, и организацию пикника поручили самому опытному и старшему по возрасту из нас лейтенанту Дерешеву. Пикник решили провести на красивом острове посреди р. Воронеж, ниже Липецкого металлургического завода. Заготовили закуски, шампанское. С помо-

щью знакомой девушки пригласили весь ее выпускной класс. Праздник начался вечером 21 июня и продолжался до утра 22 июня. Шампанское лилось рекой, я кстати, тогда его первый раз попробовал, казалось, что веселится весь город – такой был шум и радостный хохот. Такого веселого и красиво оформленного кострами праздника я больше не видел за всю свою долгую жизнь...»

Студент Днепропетровского медицинского института И. Л. Друян:

«Разошлись поздно. Я провел товарищей, а когда вернулся, Вася и Женя уже спали. На полу у изголовья Васиной койки лежала недочитанная книга. Женя спал, свернувшись калачиком. Несмотря на раскрытую форточку, в комнате было душно. Я распахнул окно. Внизу тысячами огней сверкал город. Вместе с прохладным ночным воздухом в комнату ворвались приглушенные гудки автомобилей. Ниже, на втором этаже, негромко играл патефон и пели девушки. Днем зацвели липы, и теперь, ночью, их запах был особенно свеж и приятен.

Я отошел от окна, включил репродуктор. Черная тарелка на стене несколько мгновений молчала, потом из нее полились чарующие звуки вальса Штрауса. Прекрасная, мирная музыка... С каким наслаждением слушал я в тот вечер Штрауса! Но вот беспокойный Женя зашевелился, сонным голосом сердито что-то пробормотал. Я выключил радио, погасил свет, лег.

Но сон не шел. Думалось о подготовке к завтрашнему торжеству: не забыть выгладить сорочку, купить новый галстук... Да, утром обязательно дать телеграмму родным: скоро буду!

С мыслью о телеграмме я и уснул.

А.Н. Копанев, студент Военно-морской медицинской академии, вспоминает:

«В субботу 21 /6/1941 во второй половине дня должно было состояться увольнение курсантов в город. Но увольнение по неизвестным нам причинам отменили. Вечером, после ужина, курсантов строем отвели на лекцию о международном положении. Читал лекцию полковой комиссар из Политуправления ЛВО. Помню его слова: «Я не знаю, начнется война завтра или через две недели, но не должно быть никаких сомнений в том, что война с гитлеровской Германией неизбежна»...

Командир эскадренного миноносца «Сообразительный» С.С. Ворков:

«День 21 июня 1941 г. выдался погожим. В голубом небе – стайки облаков. От зноя скрутились тонкие листья акаций.

Севастополь – главная база Черноморского флота – в этот день жил обычной жизнью большого приморского города. Но спокойствие было внешним. За ним скрывались проводимые на флоте мероприятия, связанные с повышением боевой готовности.

Мне казалось, что день прошел незаметно и сразу наступил вечер. Я поспешил на корабль.

Ночь обещала быть тихой, только вот закат был какой-то необычный. Большой каравай солнца медленно опускался в море, окрашивая его в темно-пурпурный цвет.

Надстройки, мачты и палуба корабля светились в догорающей заре. Я смотрел на море, тонущее солнце, и становилось почему-то тревожно...

Пахло сыростью – прошел небольшой дождь.

Транспортно-заряжающая машина 192-го батальона штурмовых орудий у железнодорожного моста через Буг.

В маленькой Корабельной бухте, расположенной почти против Минной стенки, отражались электрические огни кораблей. Несколько левее, на Павловском мысе, зеленым огоньком светилась крошечная мигалка. Черные тени кораблей терялись в глубине Южной бухты.

Послышался бой полуночных склянок – четыре двойных удара... Я поднялся на стенку причала. Вокруг было пусто. Мои шаги гулко раздавались в ночи. Шелестели листья деревьев. С моря усиливался ветер. Небо заволакивало тучами...

Освеженный ночной прохладой, я возвратился на корабль. В каюте за письменным столом раскрыл книгу и попытался читать, но не читалось. Я лег спать».

Советский пограничный столб. Через несколько минут он будет сломан немецкими солдатами.

Руссиянов И.Н., командир 100-й стрелковой дивизии, вспоминает:

«В субботу 21 июня день выдался хлопотливым. Но хлопоты были приятными. Мы готовились к торжественному открытию построенного своими руками стадиона. Вечером в последний раз мы с командирами и политработниками осмотрели новый стадион. Все остались очень довольны, настроение было праздничное, приподнятое.

– Ну что ж, товарищи, – сказал я, – завтра нам предстоит радостный, но напряженный день. Приказываю всем хорошенько выспаться, чтобы физически быть в форме не хуже братьев Знаменских. Спокойной ночи!

Пошутив, все разошлись по домам.

Домой – а я жил в деревянном домике рядом со штабом – вернулся только к полуночи. Семья – жена, сын и две дочки – уже давно досматривала третий сон. Подготовил к завтрашнему празднику обмундирование, осмотрел и почистил свой любимый наган (после ранения в левую руку мог стрелять только из револьвера) и вышел на крыльцо. Невдалеке темнело здание штаба, чуть дальше смутно виднелись контуры стадиона. Изредка налетавший ветерок шумел в вершинах елей. Стояла полная тишина.

Наша 100-я ордена Ленина стрелковая дивизия, как я уже писал, дислоцировалась в районе Минска, в небольшом местечке Уручье. Живописнейшие там места. Кругом лес, типичная белорусская пуша: ель, осина и вдруг – березовая рощица, которая так и светится на фоне темных елей. Весной пьянит запах березового сока и лопающихся почек, оглушают звонкие соловьиные концерты, летом – полно ягод, осенью – грибов.

Я лег, но долго не мог заснуть. Одолевали тревожные мысли. Когда вернется батальон связи с командно-штабных учений, которые проводил командующий Западным особым военным округом генерал армии Д.Г. Павлов? Как-то показали себя там наши?..

С этими мыслями незаметно уснул».

Генерал армии Д.Г. Павлов провел вечер 21 июня за сугубо мирным занятием. В то время, как немецкие солдаты слушали обращение Гитлера, командующий Западным особым военным округом в Минске наслаждался представлением куда более приятным. Вместо выслушивания пафосных банальностей глухим от волнения голосом ротного он смотрел «Тартюфа» – в Минске гастролировал Московский Художественный театр. Посмотреть на игру московских знаменитостей пришли первые лица республики, гражданские и военные. Помимо Павлова на спектакле присутствовал секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.Пономаренко. Спектакль шел почти до полуночи, и Павлов был вызван в штаб округа едва ли не из театральной ложи.

Павлова оторвали от блистательного «Тартюфа», чтобы сообщить о том, что происходило по ту сторону границы, пока он смотрел спектакль. Объявление немцами задач солдатам за несколько часов до войны было отнюдь не напрасной мерой предосторожности. Перебежчики были обыденным явлением в ходе войны. Среди сотен тысяч человек, составлявших армию вторжения, были люди самых разных убеждений. Были среди призванных в вермахт немцев те, кто в той или иной мере симпатизировал коммунистам. Один из них решил на то, чтобы перейти границу и сообщить советской стороне о готовящемся нападении. О том, как это произошло, повествует доклад начальника 90-го пограничного отряда майора М. С. Бычковского:

«21 июня в 21:00 на участке Сокальской комендатуры был задержан солдат, бежавший из германской армии, Лисков Альфред. Так как в комендатуре переводчика не было, я приказал коменданту участка капитану Бершадскому грузовой машиной доставить солдата в г. Владимир в штаб отряда.

В 0:30 22 июня 1941 г. солдат прибыл в г. Владимир-Волынский. Через переводчика примерно в 1 час ночи солдат Лисков показал, что 22 июня на рассвете немцы должны перейти границу. Об этом я немедленно доложил ответственному дежурному штаба войск бригадного комиссару Масловскому. Одновременно сообщил по телефону лично командующему 5-й армией генерал-майору Потапову, который к моему сообщению отнесся подозрительно, не приняв его во внимание. Я лично твердо также не был убежден в правдивости сообщения солдата Лискова, но все же вызвал комендантов участков и приказал усилить охрану госграницы, выставить специально слухачей к р. Буг и в случае переправы немцев через реку уничтожить их огнем. Одновременно приказал, если что-нибудь подозрительное будет замечено (движение какое-либо на сопредельной стороне), немедленно докладывать мне лично. Я находился все время в штабе.

Пленение командира Красной Армии.

Коменданты участков в 1:00 22 июня доложили мне, что ничего подозрительного на сопредельной стороне не замечено, все спокойно. Ввиду того что переводчики в отряде слабые, я вызвал из города учителя немецкого языка, отлично владеющего немецким языком, и Лисков вновь повторил то же самое, то есть что немцы готовятся наступать на СССР на рассвете 22 июня 1941 г. Назвал себя коммунистом и заявил, что прибыл специально предупредить полипной инициативе. Не закончив допроса солдата, услышал в направлении Устидуг (первая комендатура) сильный артиллерийский огонь. Я понял, что это немцы открыли огонь по нашей территории, что и подтвердил тут же допрашиваемый солдат. Немедленно стал вызывать по телефону коменданта, но связь была нарушена».

Пересекший границу ефрейтор Лисков не был безусым юнцом. Ему было 30 лет, по профессии он был столяром мебельной фабрики в городе Кольберг (Бавария). Дома он оставил жену, ребенка, мать и отца. Лисков служил сапером в 75-й пехотной дивизии. В армию его призвали из запаса в 1939 г. Вечером его командир роты лейтенант Шульц заявил, что сегодня ночью после артиллерийской подготовки их часть начнет переход Буга на плотках, лодках и понтонах. Не теряя ни минуты, Лисков бросился вплавь через Буг.

Хотя начальник погранотряда высказывал сомнения относительно восприятия информации о перебежчике М.И. Потаповым, доклад о Лискове словно электрический разряд прошел до самого Сталина. Скорее всего, свою роль в этом сыграл тот факт, что Г. К. Жуков до назначения его начальником Генерального штаба был командующим Киевским особым военным округом и его связывали с М.И.Потаповым и начальником штаба округа М.А. Пуркаевым дружеские личные отношения. М.И.Потапова Жуков знал еще по Халхин-Голу.

Живая цепочка из старых друзей сработала молниеносно. Г.К. Жуков вспоминал: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.
– Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, – сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность».

С первых же шагов по советской земле немцы наткнулись на ожесточенное сопротивление.

Так через немецкого ефрейтора Сталин узнал общее содержание обращения Гитлера. Немедленного решения на совещании не последовало. Поначалу Сталиным были высказаны сомнения относительно достоверности сведений, сообщенных перебежчиком. Нарком обороны С.К. Тимошенко высказал мнение, которое поддерживали все присутствующие люди в военной форме: перебежчик говорит правду. Им было предложено дать в округа директиву о приведение войск в боевую готовность. Однако этот вариант был сочтен Сталиным преждевременным. Надежда на мирное разрешение кризиса еще оставалась, и было решено ввести в распоряжение войскам уточнение относительно возможных провокаций противника. То есть советским руководством не исключался вариант, когда немцы отдельными выпадами 22 июня могли вынудить командиров приграничных частей и соединений нанести авиаудары или же перейти границу. В этом случае был бы создан *casus belli* (повод для войны), оправдывающий вторжение в глазах мирового сообщества. Крупномасштабные боевые действия в этом случае начались бы не 22 июня, а 25 или 26 июня, после обширной пропагандистской кампании в прессе, разоблачающей «красных варваров». Как мы знаем сегодня, немцы такой вариант не рассматривали. Но вечером 21 июня на совещании в Кремле это было совсем не очевидно.

Сообразно этим предположениям директива была доработана. В итоге в войска был направлен документ, оставшийся в истории как Директива № 1. В нем говорилось:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.».

С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00:30 22 июня 1941 г.

Самый длинный день

*На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!*

Песня 1930-х гг.

Диверсионные группы так называемого «учебного полка 800 Бранденбург» – подразделения вермахта, специализировавшиеся на операциях с переодеванием с целью введения в заблуждение охраны важных объектов, проникавшие на советскую территорию, оказались в числе тех немногих солдат вермахта, кто не слышал обращения Гитлера вечером 21 июня. Именно они, переодетые в форму командиров Красной Армии, первыми разорвали тишину раннего утра 22 июня 1941 г. на советско-германской границе. В первый день войны «Бранденбург» захватил мосты через Буг на шоссе, ведущем к Киеву. «Бранденбургерам» еще предстояли многочисленные захваты мостов, плотин, узлов дорог от Буга до Пятигорска. Они меняли форму, знаки различия, «полуторки» на «Студебеккеры», винтовки и револьверы – на автоматы с дисками, всегда оставаясь тенью, предвещавшими удар танковых клингов.

Вспоминает сержант В.Ф. Осауленко, встретивший войну в 18-м Отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне 62-го Брестского укрепленного района: «Когда [днем 22 июня] шли через северный гарнизон, увидели группу – 7–8 солдат. Мы подошли к ребятам. Они рассказали, что их командир, младший лейтенант, ставил им боевую задачу. Подошел некий капитан и закричал: «Ты что говоришь, сволочь?!» и выстрелил в этого парня из пистолета. Их шпионов, диверсантов была огромная масса. Надо было обратить внимание, что они были одеты в новую нашу форму. Это была в основном форма наших капитанов и майоров. У них был некоторый запас слов.

Противотанковое орудие прикрывает продвижение пехоты через железнодорожную насыпь.

Потом они ездили и на мотоциклах, и на велосипедах. Единственное, что, сколько я их видел, три или четыре человека, они все были одеты с иголочки, чего у нас не было. Так что вот это их выдавало сразу».

В 3:30 утра вслед за «тихой» фазой операции последовали залпы артиллерии и стрекот пулеметов.

Боевые действия 22 июня по своему характеру четко делятся на несколько групп: сражение в воздухе, столкновения войск на земле и цепочка операций на море. В свою очередь, события на сухопутном фронте существенно различаются на направлениях главных ударов вермахта, на второстепенных направлениях и на границе с союзниками Германии. События в этих группах развивались по сходным сценариям в разных округах. Поэтому имеет смысл рассказать о событиях в каждой из групп, двигаясь с севера на юг, от Прибалтийского особого военного округа до Одесского округа.

«На земле...» На направлениях главных ударов

Характерной чертой немецких наступлений на направлениях главных ударов было использование крупных механизированных соединений. Как уже было сказано выше, в нападении на СССР были задействованы четыре танковые группы. Каждая танковая группа наступала по двум направлениям, на каждом из которых двигался моторизованный корпус. Немецкая школа предусматривала ввод в бой танковых соединений плечом к плечу с пехотой, входившей в состав моторизованных корпусов. Танковые дивизии корпусов получали свою собственную, пусть и достаточно узкую полосу наступления. Во втором эшелоне находились чаще всего моторизованные дивизии. Иногда немцами применялось так называемое «перекачивание» танковых дивизий через наступающие в первом эшелоне пехотные дивизии. Последний вариант был идеологически близок к советским представлениям о применении крупных масс танков. Советская школа предлагала взлом обороны противника пехотой с последующим вводом танковых соединений в прорыв или, по крайней мере, для прорыва второй полосы обороны. У каждого из вариантов были свои достоинства и недостатки. Ввод танковых соединений в прорыв позволял избежать их потерь в ходе взлома обороны противника. Использование механизированных соединений в первом эшелоне наращивало силу первого удара по обороне. Ввод танковых дивизий в бой в середине дня 22 июня, т. е. «перекачивание» через пехоту первого эшелона, был применен немцами на юге, в 1-й танковой группе. Остальные танковые группы ставили танковые дивизии в первый эшелон, и они пошли в бой уже в первые часы войны в выделенных им полосах наступлений. В целом за счет массирования сил и средств немцам удалось достичь большой силы ударов.

Тяжелые орудия ведут в глубь советской территории.

Особую роль построение главных сил вторжения в один эшелон сыграло в специфической обстановке первого дня войны. Непосредственно на границе находились отдель-

ные батальоны дивизий армий прикрытия, неспособные оказать серьезного сопротивления. Мощный первый удар позволял сразу же глубоко продвинуться вперед.

Окно в Азию. В Прибалтийском особом военном округе раньше всех приняли меры, повысившие готовность войск к отражению удара противника. Однако округу в первый день войны достался самый страшный удар противника.

Вспоминает оперуполномоченный Тельшайского оперативного уездного отдела НКВД Н.Н. Душанский: «Мы медленно подъезжали к Шауляю. Я видел, что во многих крестьянских домах вдоль железной дороги горит свет. Еще подумал, наверное, листовки LAF (Литовский Активный Фронт) читают, с указаниями к активным действиям. А еще через несколько минут стали бомбить шауляйский военный аэродром Жокня, на котором размещались истребители, и когда поезд остановился на станции, у меня уже не было никаких сомнений в том, что началась война... Я кинулся к своему дому, который находился недалеко от вокзала. Отец, полуслепой, стоял у калитки и ждал меня. Уже несколько дней подряд он все время проводил возле калитки, чувствовал сердцем, что я появлюсь. Он сказал мне: «Нахман! Возьми твои пистолеты и беги к своим. Если немцы придут, то тебя сразу убьют!» – «А ты с мамой?» – «Нас немцы не тронут. Я у них был два года в плену, хорошо их знаю. Простых людей они убивать не станут». Я в отпуск поехал без оружия, свой табельный пистолет ТТ оставил в сейфе, в отделе, но дома у меня хранились в тайнике еще два пистолета. Я взял оружие, свое кожаное пальто, еще какие-то вещи. А потом забрал родителей из дома и повел их на вокзал. На путях «стоял под парами» эшелон для желающих эвакуироваться. Посадил родителей в вагон. Дикой паники еще не наблюдалось. А партийный, советский и комсомольский актив Шауляя должен был уехать на восток в автобусах, и с ними намеревались отправиться в эвакуацию моя сестра Рахель и брат Песах. А самый младший брат Ицхак находился в это время в пионерском лагере под Палангой. Другой брат, Яков, работал хозяйственником, вольнонаемным в армейском госпитале рядом с Шауляем. Я простился с родителями в вагоне, вышел на пути и успел заскочить на последний поезд, шедший из Шауляя в сторону границы, на Тельшай. И больше мне не довелось увидеть своих родных... Выжил только брат Яков. В 1945 г. я узнал о судьбах своих родных. Никакой поезд на восток из Шауляя двадцать второго июня так и не ушел. Оказывается, что кто-то из русских заместителей местного начальства позвонил «наверх» и сообщил – «Разводят панику! Пораженческие настроения!». Сразу прибыл отряд армейских «особистов», и людям приказали выйти из вагонов и вернуться по домам. Была отменена и эвакуация партактива. Моего товарища по тюрьме, начальника городского отдела НКВД Мацкявичуса, сняли с должности и хотели отдать под суд, с формулировкой «За паникерство». (Он после этого случая так и не вернулся на службу «в органы», после войны работал председателем колхоза и стал Героем Соцтруда.) Одним словом, никому из Шауляя выехать не дали! Мои родители были потом убиты литовскими полицией в гетто. Младший брат так и не выбрался из-под Паланги, и обстоятельства его гибели точно не известны. А сестра Рахель и брат Песах погибли при попытке уйти через Латвию в сторону России. Литовцы их застрелили. До Тельшай в то утро я так и не добрался. Наш поезд разбомбили в щепки возле местечка Тришкай. После этой бомбежки я открыл секретный пакет – «мобилизационный план», который для всех сотрудников отдела составил Морозов еще за месяц до войны. В нем указывалось место сбора сотрудников на случай начала боевых действий. И я понял, что «точка randevu» находится совсем рядом с этим местечком. Пошел в Тришкай, на МТС, взял там лошадь без седла, и на ней поскакал на место предполагаемого сбора. На западе гремела канонада, над головой постоянно проносились немецкие эскадрильи. К вечеру в лес стали подходить от границы работники НКВД и пограничники. Многие уже израненные, в крови и в оборванном обмун-

дировании, с немецкими трофейными автоматами и винтовками. А я в кожаном пальто без петлиц, в новенькой гимнастерке и хромовых сапогах. Контраст был сильным».

Находившиеся в Прибалтике советские войска были атакованы сразу двумя танковыми группами немцев из четырех задействованных в операции «Барбаросса». Вскоре одна из танковых групп ушла на Минск, но первый сокрушительный натиск имел печальные последствия как для ПриОВО, так и для соседнего ЗапОВО.

Вспоминает П.А. Ротмистров, будущий Маршал бронетанковых войск: «21 июня, буквально за несколько часов до вторжения немецко-фашистских войск в Литву, к нам в Каунас прибыл командующий войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Торопливо войдя в кабинет генерала Куркина, у которого я в то время был на докладе, он кивнул в ответ на наше приветствие и без всякого предисловия сообщил как ударил:

– Есть данные, что в ближайшие сутки-двое возможно внезапное нападение Германии.

Германские саперы только что разминировали мост

Мы молча переглянулись. И хотя нас в последние дни не оставляло предчувствие этой беды, сообщение Кузнецова ошеломило.

– А как же Заявление ТАСС? – изумленно спросил Куркин. – Ведь в нем говорилось...

– Но ведь это же внешнеполитическая акция, которая к армии не имела прямого отношения, – сказал командующий. Он устало опустил на стул, вытирая носовым платком вспотевшее, сильно осунувшееся лицо. – Не надо сейчас заниматься обсуждением этих проблем. У нас есть свои достаточно важные. Немедленно под видом следования на полевые учения выводите части корпуса из военных городков в близлежащие леса и приводите их в полную боевую готовность.

– Товарищ командующий, – обратился комкор к Кузнецову, – разрешите собрать корпус на каком-то одном указанном вами операционном направлении.

Ф.И. Кузнецов, с минуту подумав, отклонил просьбу А.В. Куркина.

– Поздно заниматься перегруппировками, – сказал он. – Авиация немцев может накрыть ваши части на марше.

Мое предложение о подготовке к эвакуации семей командиров и политработников в глубь страны тоже не получило поддержки командующего.

– Возможно, это и необходимо, – сказал он, – но нельзя не учитывать, что такая мера может вызвать панику.

После отъезда командующего войсками округа мы тотчас же занялись выполнением его распоряжений. Во все дивизии были срочно направлены ответственные работники штаба и политотдела корпуса. Им предстояло оказать помощь командованию в выводе частей и соединений в районы их сосредоточения, в подготовке к обороне этих районов, оборудовании командных и наблюдательных пунктов, организации связи, управления и полевой разведки.

Управление 3-го механизированного корпуса во главе с генералом А.В. Куркиным убыло в Кейданы (Кедайняй), севернее Каунаса. Отсюда мы установили связь со 2-й танковой и 84-й мотострелковой дивизиями, а также со штабом 11-й армии, от которого, кстати, узнали, что наша 5-я танковая дивизия, оставаясь на самостоятельном алитусском направлении, подчинялась непосредственно командующему армией.

В 4:00 утра 22 июня 1941 г. немецкая авиация нанесла в Прибалтике массированные удары с воздуха по нашим аэродромам, крупным железнодорожным узлам, портам, городам Рига, Виндава (Вентспилс), Либава (Лиепая), Шяуляй, Каунас, Вильнюс, Алитус и другим. Одновременно тяжелая артиллерия противника начала мощный обстрел населенных пунктов и наших войск вдоль всей литовско-германской границы. Даже до Кейданы (Кедайняй) доносился гул артиллерийской канонады и грохот разрывов авиационных бомб.

В 5:30—6:00 вражеская пехота после повторного налета авиации, нарушив границу, перешла в наступление. В 8:30 – 9:00 немцы бросили в бой крупные силы мотомеханизированных войск по трем направлениям: Таураге, Шяуляй; Кибартай, Каунас и Калвария, Алитус».

Построение советских войск в Прибалтийском особом военном округе к началу войны было типичным для армий прикрытия, т. е. разреженным. На государственной границе находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 90, 125, 5, 33 и 188-й стрелковых дивизий. Непосредственно к Балтийскому морю примыкала полоса обороны 8-й армии П.П. Собеникова. На ее правом фланге на участке от Паланги до Сартининка оборону занимал 10-й стрелковый корпус генерал-майора И. Ф. Николаева. В состав корпуса входили 10-я стрелковая дивизия генерал-майора И.И. Фадеева и 90-я стрелковая дивизия полковника М.И. Голубева. Первая из них занимала полосу шириной 80 км от Паланги до Швекшны.

Штурмовое орудие движется вдоль железнодорожного полотна.

Это была едва ли не рекордная по своей протяженности полоса обороны для соединения в группировке войск армий прикрытия особых округов. Левее ее была 30-километровая полоса обороны 90-й стрелковой дивизии. Такая полоса также существенно превышала рекомендованный норматив для обороны соединения в нормальных условиях. Завершившая развертывание группа армий «Север» обладала подавляющим превосходством над силами прикрытия. Каждая из дивизий 10-го стрелкового корпуса была атакована немецким армейским корпусом из состава 18-й армии (XXVI и I армейские корпуса, по три пехотные дивизии каждый). Неудивительно, что в первый день войны соединения корпуса И.Ф. Николаева были быстро сбиты с занимаемых позиций. Палангу оборонял батальон 10-й стрелковой дивизии, который вскоре был окружен частями 291-й пехотной дивизии. 90-я стрелковая дивизия также была разгромлена и частично окружена. Уже в первый день дивизия потеряла своего командира, полковник М.И. Голубев погиб.

Второй стрелковый корпус 8-й армии, 11-й стрелковый корпус генерал-майора М.С. Шумилова, развертывался в 40-километровой полосе на левом фланге армии. В первом эшелоне корпуса оборону заняла 125-я стрелковая дивизия генерал-майора П.П. Богайчука. Она прикрывала важное направление вдоль железной и шоссейной дорог из Тильзита на Шяуляй. Включаемая в состав корпуса 48-я стрелковая дивизия генерал-майора П.В. Богданова после выдвижения из-под Риги должна была занять оборону левее 125-й стрелковой дивизии. Начало войны 48-я стрелковая дивизия встретила в маршевых колоннах. Поэтому шяуляйское направление было прикрыто одной дивизией на фронте 40 км, т. е. с плотностью, гораздо меньшей рекомендуемой уставами.

Противник у 125-й стрелковой дивизии 22 июня был даже более серьезный, чем у соседа справа – дивизия находилась в полосе наступления XXXXI моторизованного корпуса 4-й танковой группы. Пользуясь своей подвижностью, немецкие соединения вышли на исходные позиции в последний момент перед началом кампании. В ночь с 21 на 22 июня 1 –

и 6-я танковые дивизии XXXXI корпуса пересекли Неман и к 3.00 подошли к границе. Советской разведкой, если опираться на разведсводки Прибалтийского военного округа, группировка механизированных частей противника вскрыта не была. Впоследствии это станет типичной ситуацией для начального периода войны. Немецкие механизированные соединения раз за разом форсированными маршами выходили в новый район сосредоточения и наносили сокрушительный удар. Советская разведка не успевала отслеживать эти перемещения, а советское командование, соответственно, реагировать на них. По такому сценарию впоследствии развивалась катастрофа Юго-Западного фронта под Киевом в сентябре 1941 г., Западного и Брянского фронтов на дальних подступах к Москве в октябре 1941 г.

С каждой минутой число пленных растёт

В первый день войны произошла генеральная репетиция будущих прорывов. Две немецкие танковые дивизии атаковали с марша после короткой 5-минутной артиллерийской подготовки по выявленным целям на советской территории. Как отмечает служивший в тот период в 6-й танковой дивизии полковник Ритген «сопротивление противника в нашем секторе оказалось намного сильнее, чем ожидалось. Путь нам преграждали шесть противотанковых рвов, прикрывавшихся пехотинцами и снайперами, засевшими на деревьях. К счастью для нас, у них не было противотанковых пушек и мин. Поскольку никто не сдавался, пленных не было. Однако вскоре танки остались без боеприпасов, что до этого ни разу не случалось в ходе кампаний в Польше и Франции. Пополнение боеприпасов зависело от грузовиков, застрявших в пробке где-то позади». По словам Ритгена, ни один мост на пути его дивизии не был взорван, однако их ограниченная грузоподъемность заставляла танки форсировать реки вброд.

Эрхард Раус, командовавший в июне 1941 г. моторизованной бригадой 6-й танковой дивизии, впоследствии вспоминал: «Артиллерийская подготовка началась 22 июня 1941 г. в 03:05, и вскоре связной «Шторх», использовавшийся в качестве разведчика, сообщил, что деревянные пулеметные вышки на окраинах Силине уничтожены. После этого 6-я танковая дивизия пересекла советскую границу к югу от Тауроге. Боевая группа «фон Зекендорф»

ворвалась в деревню Силине и довольно быстро очистила дорогу на Кангайлай, хотя в лесу восточнее этого города две русские роты оказали исключительно упорное сопротивление. Наша пехота сумела подавить последний очаг только в 16:00, после тяжелого боя в лесу. Не обращая внимания на это препятствие, боевая группа «Раус» начала двигаться вперед. Именно она возглавляла наступление дивизии в эти утренние часы. Мост через реку Сесувис в Кангайлае попал в наши руки, и мы быстро разбили разрозненные группы противника, сопротивлявшиеся на открытой местности вокруг Мескай. Мы ожидали русской контратаки с северного берега Сесувиса, однако она так и не состоялась. Мои головные подразделения к вечеру достигли Эрцвилкаса».

«А это – еврейский младший командир», – захлебывается от радости диктор «Германского Еженедельного Кинообозрения». Вряд ли этот солдат доживет до вечера.

У Эрцвилкаса (так правильно называется город, названный Раусом Эрцвилкасом) 6-й танковой дивизией были разгромлены колонны двигавшейся к границе 48-й стрелковой дивизии. Выдвигавшаяся походным порядком от Риги дивизия в первой половине дня попала под сильнейший удар авиации противника, а затем была атакована немецкими танками. В результате она за один день потеряла до 70 % своего состава. Однако задача дня для 6-й танковой дивизии – выход к реке Дубисса – выполнена не была. Вечером дивизия была атакована двумя советскими бомбардировщиками, ставшими жертвами зенитных пушек, приданных соединению. Выход 6-й танковой дивизии к Дубиссе и сражение с советской 2-й танковой дивизией с танками КВ состоялись в последующие дни, 23–24 июня.

Слева от 6-й танковой дивизии атаковала 1-я танковая дивизия того же XXXXI танкового корпуса. Она также была выдвинута к границе в ночь с 21 на 22 июня и перешла в наступление с марша. Дивизия двигалась вдоль шоссе на Шауляй, которое оставалось на левом фланге соединения. К 13:00 она вышла к приграничному городу Таураге. Наступающим немцам удалось с ходу захватить неповрежденными два из трех мостов через реку Юра у Таураге. Сражение за Таураге вылилось в упорные уличные бои. С советской стороны город оборонял 657-й стрелковый полк майора С.К. Георгиевского, входивший в состав 125-

й стрелковой дивизии. До поздней ночи в городе шли бои за каждый дом и каждый перекресток. Немецкая мотопехота прокладывала себе дорогу вперед с помощью огнеметов и подрывных зарядов. Только к полуночи оборонявшие Таураге советские части были оттеснены на северо-восточные окраины города. В 7:00 в донесении штаба 4-й танковой группы говорилось: «Движение началось по плану в 3:05 22 июня. До сих пор повсеместно только слабое сопротивление противника». Тональность донесения от 17:45 была уже совсем другая: «Противник, оказывающий ожесточенное сопротивление на подготовленных позициях вдоль границы перед XXXXI танковым корпусом, с середины дня отходит в северо-восточном направлении». Это было типично для первого дня войны – слабое сопротивление в первые часы и постепенное его нарастание начиная с середины дня, когда в бой вступили главные силы армий прикрытия.

В более выгодных условиях действовал в первый день войны LVI моторизованный корпус 4-й танковой группы. Ему удалось прорваться практически незамеченным на стыке между 8-й и 11-й армиями. Командовавший корпусом Э. фон Манштейн впоследствии писал: «В первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы. Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В Первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост.

Тягач везет бомбы, которые через некоторое время упадут на советскую землю.

Если бы противнику удалось взорвать этот большой мосту Айроголы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. Враг выиграл бы время для организации обороны на крутом берегу на той стороне реки, которую было бы трудно прорвать. Было ясно, что в таком случае нечего было рассчитывать на внезапный захват мостов у Двинска (Даугавпилс). Переправа у Айроголы давала нам незаменимый трамплин для этого. Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, 8 тд (командир – генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных пози-

ций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айроголы. 290-я дивизия следовала за ним быстрыми темпами, 3 пд (мот.) в полдень прошла через Мемель (Клайпеда) и была введена в бой за переправу южнее Айроголы». В первые дни войны корпус Манштейна был лидером наступления 4-й танковой группы.

Сам по себе удар 4-й танковой группы был серьезной угрозой для советских войск в Прибалтике. Однако вторжением двух моторизованных корпусов противника проблемы Северо-Западного фронта не исчерпывались. Обстоятельства сложились таким образом, что территория Прибалтийского особого военного округа стала «окном», через который прорывались сразу две танковые группы. Второй прорыв произошел на вильнюсском направлении, в полосе 11-й армии. Расположение советских частей на вильнюсско-каунасском направлении утром 22 июня было типичным для приграничных армий. Из состава 5, 33, 188 и 126-й стрелковых дивизий на границе находилось по одному полку, из состава 23-й стрелковой дивизии – два батальона. Этой завесе противостояли XXVIII, II, V, VIII и XX армейские корпуса немецких 16-й и 9-й армий, а также XXXIX и LVII моторизованные корпуса 3-й танковой группы. Стоявшие на границе советские стрелковые полки были атакованы, по меньшей мере, двумя пехотными дивизиями каждый. Методика наступления немецких танковых групп в первые дни войны с СССР напоминала принцип действия проходческого щита. При прокладке тоннелей ножевое кольцо щита вдавливают в грунт, а затем выбирается ограниченный кольцом цилиндр грунта. Немецкие танковые группы наступали двумя моторизованными корпусами на флангах своего построения и армейским корпусом в центре. Танковые соединения пробивались в глубину обороны, а наступавшая в центре пехота перемалывала оказавшегося между двумя глубокими вклинениями противника. Такое построение позволяло рационально использовать дорожную сеть и повышало устойчивость к контрударам – внешние фланги моторизованных корпусов разделяло приличное расстояние. Перерубить «проходческий щит» фланговыми ударами было нетривиальной задачей.

В ограниченном пространстве в Прибалтике построение «проходческим щитом» не применялось, а все остальные танковые группы (3, 2 и 1 – я) строились именно так. Внешние фланги 3-й танковой группы образовывали XXXIX и LVII моторизованные корпуса, а центр – пехота V армейского корпуса. Острие удара XXXIX моторизованного корпуса было нацелено на переправу через Неман у Алитуса, а 12-я танковая дивизия LVII корпуса двигалась к переправе через ту же реку у Меркине.

Эскадры германских бомбардировщиков готовы к вылету.

XXXIX корпус должен был пробиваться к Алитусу силами 7-й танковой дивизии, прикрываясь с севера (с левого фланга) 20-й танковой дивизией, а с юга (с правого фланга) – 20-й моторизованной дивизией. Такое построение выдает некоторые опасения командования 3-й танковой группы. Сильное фланговое прикрытие должно было обезопасить ударную группировку от контрударов советских стрелковых и танковых частей. Также следует отметить, что значительная часть подвижных соединений танковой группы Гота еще оставалась позади. Своего часа ждали 19-я танковая дивизия, 14-я и 18-я моторизованные дивизии.

Осторожность оказалась излишней, контрударов в первые часы войны не последовало. «Ножевое кольцо» было сразу же вдавлено на большую глубину в построение советской 11-й армии. Позднее Г.Гот писал: «Командование 39-го танкового корпуса направило оба танковых полка и часть 20-й моторизованной дивизии вдоль шоссе на дороге Сувалки – Калвария с задачей овладеть высотами южнее Калварии, имевшими важное тактическое значение. Этих сил оказалось слишком много, и такой расход не оправдывался». Оценка немецкой разведкой противостоящих советских частей на вильнюсском направлении оказалась сильно завышенной. Сбивать разрозненные части завесы отдельных батальонов у границы и обходить более крупные части не составляло большого труда. Обойдя с севера и юга 128-ю стрелковую дивизию, оба моторизованных корпуса 3-й танковой группы стремительно продвигались вперед. Начав наступление в 3:05, уже через пять часов, в 8:00, 22 июня моторизованная бригада 7-й танковой дивизии вышла к Калварии. Следующей целью были Алитус и мосты через Неман. Уже после того как начались боевые действия, основные силы 5, 23 и 188-й стрелковых дивизий начали выдвижение к границе. Однако они встретили войну в районе к юго-западу от Каунаса и фактически оставались в стороне от оси немецкого наступления.

Единственным советским соединением, стоявшим на пути немцев к Алитусу, была 5-я танковая дивизия. Она была наиболее сильным и, главное, подвижным резервом в руках командующего 11-й армии. Если бы на границе было достаточно войск для сдерживания первого удара противника, танковая дивизия могла выдвинуться на угрожаемое направление и подпирать контрударами стрелковые части. Однако, как мы знаем, на границе была

только слабая завеса. В этих условиях подвижный резерв сам стал объектом атаки. Первый удар последовал с воздуха: в 4:20 утра немецкая авиация нанесла удар по паркам, казармам и аэродрому в расположении 5-й танковой дивизии. Он пришелся в пустоту, почти все люди и техника соединения были выведены в полевые лагеря. После авианалета сомнений уже не оставалось – война началась. Командир дивизии полковник Ф.Ф. Федоров отдал приказ о приведении частей в боевую готовность и выдвинул на западный берег Немана передовой отряд в составе нескольких танков и двух рот мотострелкового полка с артиллерией. Подразделения передового отряда начали окапываться на левом берегу Немана. Может возникнуть закономерный вопрос: а нельзя ли это было сделать до войны? Действительно, теоретически у частей 5-й танковой дивизии была масса времени на окапывание в мирное время. Но условий вступления дивизии в бой предсказать заранее было невозможно. С тем же успехом дивизию могли выдвинуть для контрудара в район Рассеня или же непосредственно к границе. Поэтому оборона готовилась сообразно обстановке, сложившейся утром 22 июня.

Штурман уточняет курс к цели

Подготовка мостов через Неман к взрыву была произведена 4-м инженерным полком Прибалтийского особого округа. Гот свидетельствует, что взрыв мостов был делом решенным: «Пленный русский офицер-сапер рассказал, что он имел приказ взорвать мосты в Алитусе в 13:00». Но уничтожение мостов не состоялось. Не исключено, что к этому приложили руки диверсанты из «Бранденбурга». Показательно, что избежали подрыва мосты в полосе двух моторизованных корпусов. Напротив, VI армейский корпус, выйдя 23 июня к Неману, оказался перед взорванными мостами.

Продвигавшиеся к Неману части 7-й танковой дивизии были встречены передовым отрядом дивизии Ф.Ф. Федорова. Его сопротивление вскоре было сломлено, и немцы вышли и захватили оба моста (северный и южный) через Неман у Алитуса. Как только первые немецкие танки оказались на восточном берегу реки, они были встречены огнем советских танков. Это была первая встреча немецких танкистов с танками Т-34. Стоявший на позиции рядом с мостом танк Т-34 сразу же подбил пересекший реку PzKpfw-38(t). Ответный огонь

37-мм пушек немецких танков был неэффективным. О ситуации, в которой оказались бойцы 5-й танковой дивизии, свидетельствуют воспоминания участников боев 22 июня 1941 г.: «... Наша 5-я ТД заблаговременно по боевой тревоге вышла на восточный берег р. Неман и заняла оборону за несколько дней до начала войны. Когда заняли оборону, меня назначили делегатом связи между штабом дивизии и 5 АТБ. В 4:20 мы слышали гул моторов и началась бомбежка военного городка, где остались некоторые хозяйственные подразделения, а потом бросили две легкие бомбы на мост, но не попали... В это же время начальник штаба майор Беликов приказал мне выехать в западную часть города и узнать, что там горит... Навстречу нам с города шла целая колонна гражданских лиц... Толпа раздвинулась в обе стороны, и мы проехали на полном ходу. Но, когда мы проехали, то из толпы стали стрелять в нас с автоматов и уже против наших казарм подбили наш мотоцикл.

Примерно в 11:30 привели к штабу мокрую женщину, переплывшую Неман, которая сказала, что за городом она видела немецкие танки, но тут же прокурор крикнул: провокация, шпионка и сразу застрелил ее. А 30 минут спустя возле моста бойцы задержали мужчину, который был литовцем и на ломаном русском нам сказал, что немецкие танки уже в городе, но и этого оперуполномоченный застрелил, обозвал его провокатором. В это время наши зенитчики открыли огонь по самолетам, и все активнее стали стрелять наши артиллеристы, а через час все батареи открыли дружный огонь, но, по-моему, было уже поздно.

Мы подошли к своему танку, постучали, открылся люк. Мы говорим, что немецкие танки на дороге – рядом с нами, а танкист отвечает, что у него нет бронебойных снарядов. Мы подошли к другому танку, там оказался комвзвода, который быстро скоординировал: «За мной!», – и сразу вывернулись из кустов два или три танка, которые пошли прямо на немецкие танки, стреляя на ходу в бок немецких, а потом прямо вплотную подошли – таранили их и скинули их в кювет (уничтожили полдесятка немецких танков и ни одного не потеряли). А сами кинулись через мост на западный берег. Но только перешли мост, встретили группу немецких танков, из которых один сразу загорелся, а потом и наш загорелся. Дальше я видел только огонь, дым, слышал грохот взрывов и лязг металла».

Несмотря на то что северный мост и плацдарм на восточном берегу Немана были захвачены, расширение плацдарма под огнем советских танков было невозможным. Аналогичная обстановка сложилась на плацдарме у южного моста. Пытавшиеся атаковать от моста на восток немецкие танки были встречены огнем и 6 машин были потеряны. Вместе с тем восстановить положение частям 5-й танковой дивизии не удалось: атаки с целью ликвидировать два немецких плацдарма потерпели неудачу. До вечера ситуация перешла в состояние неустойчивого равновесия. К 19:30 к мостам подтянулись части 20-й танковой дивизии XXXIX моторизованного корпуса. Позиции на плацдарме у северного моста были значительно усилены. Кроме того, прибывшие части передали в 7-ю танковую дивизию до 30 % боекомплекта, поскольку к вечеру запасы боеприпасов в жестоких боях за плацдарм практически истощились. Значительно усилив свои позиции, немцы вновь перешли в наступление с целью взлома обороны по периметру плацдармов. При поддержке сильного огня артиллерии северный плацдарм был «вскрыт», и немцы ударили в тыл советским войскам на южном плацдарме. Так произошло «вскрытие» плацдармов у Алитуса, позволившее немцам на следующий день прорваться к Вильнюсу. Потери 5-й танковой дивизии в бою у Алитуса можно оценить как тяжелые. Из 24 участвовавших в бою танков Т-28 было потеряно 16, из 44 Т-34 – 27, из 45 БТ-7 – 30. Реализовался типичный для первого дня войны сценарий – быстрый прорыв немцев от границы в глубину и замедление наступления во второй половине дня 22 июня.

Глубокий прорыв подвижных соединений привел к охвату и обходу оборонявшихся близ границы стрелковых соединений. Вспоминает наводчик младший сержант С.С. Мацапура из 126-й стрелковой дивизии: «Вскоре мы уже вели огонь по фашистской пехоте на

предельных дальностях. Выпустим пяток снарядов – команда: «Стоять! Записать установки». В это утро от старшего на батарее лейтенанта Комарова я услышал фразу, которая потом часто повторялась: «Экономить снаряды». Граница была к западу от нас, но уже в полдень мы вели огонь в южном направлении. Это запомнилось, так как полуденное солнце светило прямо в ствол моей пушки. Поворот фронта батареи на юг, а в дальнейшем и на юго-восток мог означать одно: фашисты продвинулись далеко в глубь советской территории».

К вечеру 22 июня стоявшие у границы части 11-й армии были окружены или рассеяны. Однако надвигающаяся катастрофа была осознана еще в первой половине дня. Уже в 9:35 22 июня командующий Северо-Западного фронта сообщал командованию: «Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большею частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет. «Ввиду того, что в Ораны стоит 184-я стрелковая дивизия, которая еще не укомплектована нашим составом полностью и является абсолютно ненадежной, 179-я стрелковая дивизия – в Свенцяны также не укомплектована и ненадежна, так же оцениваю 181-ю [стрелковую дивизию] – Гулбенэ, 183-я [стрелковая дивизия] на марше в лагерь Рига, поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь. Тильзитскую группировку противника буду бить контрударами: с фронта Телшяй, Повентис – 12-м механизированным корпусом, с направления Кейданы, Россиены – двумя дивизиями 3-го механизированного корпуса».

Цель – Киев. Там, внизу, ничего не подозревающие люди.

Переформированные дивизии прибалтийских государств действительно мало подходили для активных действий против прорывающихся в глубину танковых соединений противника.

В первые дни войны все танковые соединения 3-й танковой группы, входящей в состав группы армий «Центр», действовали в полосе Прибалтийского особого военного округа (Северо-Западного фронта). Но это не означало, что правый фланг войск на периметре Белостокского выступа остался не атакованным. Сувалкинский выступ глубоко вдавался в совет-

скую территорию и был практически идеальным плацдармом для удара в тыл советским войскам в районе Белостока. Нависающее положение Сувалкинского выступа было использовано немцами для проведения наступления силами пехотных соединений 9-й армии. Из выступа стартовали в поход на восток три пехотные дивизии VIII армейского корпуса. Также из выступа перешла в наступление 256-я пехотная дивизия соседнего XX армейского корпуса. Вследствие этого силы вторжения имели внушительный перевес над занимавшей позиции по периметру Сувалкинского выступа 56-й стрелковой дивизией генерал-майора Сахно. Советская дивизия своевременно вышла на назначенные позиции на границе, но вследствие численного перевеса противника была рассечена на несколько частей, а один ее полк попал в окружение. Позднее, уже на допросе в НКВД, Д.Г. Павлов говорил, что во второй половине дня 22 июня «Кузнецов с дрожью в голосе заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер».

О том, как сражалась в первый день войны 56-я дивизия, вспоминает выпускник Гомельского стрелково-пулеметного училища Л.А. Белкин: «Я получил назначение в Белорусский особый военный округ, в 3-ю армию, в 56-ю стрелковую дивизию. 21 июня, мы, 10 молодых командиров Красной Армии, выпускников ГСПУ, прибыли в Гродно, в штаб дивизии, и поздним вечером того же дня, уже были в местечке Гожи на границе с Польшей. Здесь находился 184-й стрелковый полк, в котором нам предстояло начать свою командирскую службу. Командира полка на месте не было, сказали, что он отбыл в командировку в Москву. Нас принял начальник штаба, посмотрел на наши предписания и сопроводительные документы, потом махнул рукой и сказал: «Уже поздно, идите спать. Вот пустая палатка. Завтра утром с вами разберемся». На следующий день нашу группу зачислили в состав уже разбитой немецкой авиацией 184-го стрелкового полка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.